

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ М. ВОЛОШИНА

У статті досліджено міфопоетичні образи лірики М. Волошина на матеріалі книги «Роки мандрів». У ході наукової розвідки розглянуто образи давньосхідної, давньогрецької та християнської міфології, втілені в поетичній творчості поета. Проаналізовано образи авторського космогонічного міфу М. Волошина.

Ключові слова: міфопоетичний образ, міф, міфологема, солярна символіка, космогонія.

Исследование проекции мифа, мифологического образа на художественное произведение является одним из актуальнейших направлений современного литературоведения. В различных формах творческого сознания и, особенно в поэзии, осуществляется единственный контакт современного человека с сакральным, космическим [11, 53]. Как утверждает Г. Гадамер, «поэтическое мировидение мифично» [2, 99]. Мифопоэтика проявляет себя на разных пластах творчества. Особенно насыщена мифопоэтическими образами поэзия «Серебряного века» и, в частности, лирика М. Волошина. Как отмечает С. Заяц, «мифологичность волошинского слова – это своеобразный путь преобразования мира» [5, 111]. Поэт, стремящийся к самопознанию и познанию законов бытия, прибегает к образам восточной, античной и христианской мифологии: «его творчество есть попытка не просто быть откровенным, но и выразить стремление к самопознанию и преобразению мироздания словом и мифом, в чем ему виделась сущность бытия поэта» [5, 111].

Мифопоэтика в целом – область, достаточно изученная. Общеизвестными являются работы А. Лосева, Е. Мелетинского, В. Топорова, М. Элиаде, Г. Гадамера и др. При этом к творчеству М. Волошина мифопоэтические исследования применяли не достаточно широко. Так, С. Заяц рассматривает мифологические и библейские образы в поэзии писателя в контексте его духовных исканий [4], О. Дашевская анализирует миф о России, созданный М. Волошиным [3], О. Темная изучает солярную символику в лирическом творчестве поэта [10]. Данная статья имеет целью расширенный анализ мифопоэтических образов в поэзии М. Волошина на материале книги «Годы странствий».

Создавая свою поэтическую реальность, М. Волошин трансформирует древнегреческую (в особенности мифы об Орфее, Одиссее и Эдипе), древневосточную (прабрахманическую, брахманическую и ведическую) и христианскую мифологии, а также создает собственный киммерийский миф, миф мироздания, поэта-Путника, «Звезды Полюны», Неопалимой Купины, Лика. Лик – это «это некий синтетический образ человека, в котором его душевные и духовные особенности выступают в материальных, внешних проявлениях: в облике, в событиях его жизни, в творчестве и в судьбе» [7, 165]. М. Волошин создал множество ликов в художественно-публицистическом стиле (книга «Лики творчества») и в поэзии. Так, поэт создает лик возлюбленной короля Франции Генриха II, Дианы де Пуатье. Причем лик создается в соответствии с мраморной статуей Жака Гужона «Диана с оленями». Образ Дианы соткан из сплетения двух обликов: Дианы – древнегреческой богини охоты, владычицы растительного и животного мира («В бесстрастной нагоде, среди охотниц-нимф / По паркам ты идешь, волшебный свой заимф / На шею уронив Оленя-Актеона [1]) и властной любовницы короля («Над троном Валуа воздвигла ты свой герб» [1]). Именно такой – полубогини, полуженщины – создает ее лик М. Волошин: «...Диана-Одалиска. / Богиня строгая, с глазами василиска» [1].

В образе нимфы рисует М. Волошин лик Елены Дмитриевой:

К этим гулкам морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью
«К этим гулкам морским берегам» [1].

В облике Артемиды предстает перед читателем Ольга Муромцева:

Грустная девочка – бледная, страстная.
Складки туники... струи серебра...
Это ли ночи богиня прекрасная –
Гордого Феба сестра?
«Небо запуталось звездными крыльями» [1].

М. Волошин обращается также к образам своих современников: поэтам-символистам А. Белому («В цирке»), К. Бальмонту («Рождение стиха»), Ю. Балтрушайтису («К твоим стихам меня влечет не новость»), художнице, жене А.Н. Толстого, С. Толстой («Концом иглы на мягком вос-

ке...») и др. Однако наибольшей мистификации поэт достиг в сотворенном им лике царевны Таиах, которая появляется во множестве стихотворений М. Волошина (об этом подробнее см. ниже).

Важное место в системе мифопоэтических образов поэзии М. Волошина занимает образ солнца. Он появляется в одноименном стихотворении, предстает в облике античных богов, становится частью христианской символики, воплощается в образе царевны Солнца – Таиах. По мнению О. Темной, в ранних произведениях М. Волошина «солнце, являясь необходимым атрибутом пейзажа, практически не выходит за пределы эстетически переосмысленного предметного мира и не имеет той “смысловой перспективы”, которая, собственно, и отличает обычный образ от символа. По мере его приобщения к кругу философско-эстетических идей рубежа веков, образ солнца приобретает все большую и большую глубину» [10, 145]. Так, в одноименном стихотворении солнце является сакральным космогоническим образом, символом вечного возрождения и цикличности природы:

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной [1].

Эпитеты, сопровождающие образ солнца в этом стихотворении, весьма противоречивы: «святое око дня», «тоскующий гигант», «белый бриллиант», «исток Дня», «всезрящее», «невозвратимое». Это отражает душевную пустоту лирического героя, его отчаяние, разочарование, «покинутость» («Но ты, всезрящее, покинуло меня, / И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи» [1]). Не случайно «солярная символика у М. Волошина тесно связана с мотивами зрения и слепоты» [10, 147]. Когда солнце светило для лирического героя, зажигая в нем «пламень пленный», он был «пронизан зрением», верил в смысл бытия, но, как только солнце погасло, лирический герой «внутри ослеп», потерял душевное спокойствие и веру. Называя солнце «невозвратимым», он отвергает его как божество и начинает поиск иной «сияющей мечты».

По справедливому замечанию О. Темной, «в поэтическом космосе М. Волошина солнце представлено в двух ипостасях: как солнце явленное, внешнее и как солнце внутреннее, духовное» [10, 145]. Внешнее солнце сопряжено с утратой лирическим героем тайнства ночи. Здесь солнце представлено как «горящий пламенем лик Солнечного Зверя» («IN MEZZA DI SAMMIN...»), «пламень сверкающего ока» («Быть черною землей, раскрыв покорно грудь...»), «жемчуг дня» («Руанский собор»), «золотое око», «исток дня» («Киммерийские сумерки»), «червленый солнца диск» («Осенью»), «старший сын Хаоса», «всезрящий огонь», «колючий ореол», «слепающий вихрь креста» («Над горестной землей – пустынной и огромной...»), «огонь, плененный землею», «Ликей», «Фойбос», «Эйос», «отрок-бог» («Станет солнце в огненной притине...») и т.п. Внутреннее солнце у М. Волошина символизирует душевный свет, духовное начало в человеке. При этом чаще всего эти два солнца – внешнее и внутреннее – антитетичны: внешнее солнце не способно осветить внутренний мир лирического героя, который ощущает «сумрак» одиночества («и в зрящем сумраке остался я один» [1]).

В поэтическом мире М. Волошина солнце выступает также в образе «Зарного бога». Примечательным в этом смысле является стихотворение «Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей...». Здесь образ восходящего солнца в воплощении олицетворяющего его Аполлона несет торжественную эмоциональную нагрузку:

Ты – целитель! Ты – даятель! Отвратитель тусклых бед!
Гневный мститель! Насылатель черных язв и знойных лет! [1]

Вслед за мифологией у М. Волошина Аполлон отождествляется с солнцем во всей полноте его целительных и губительных функций. Стихотворение является своеобразным гимном, воспевающим покровителя искусств и предводителя муз Аполлона. При этом М. Волошин не называет его имени, образ же соткан из эпитетов, метафор, пронизан атрибутикой, в которой «бог зари» становится узнаваемым читателями:

Зарный бог несется к югу в *стаях белых лебедей...*
У сокрытых вод *Дельфузы* славят музы бога сил;
Вещих снов слепые узы бремят сердца Сивил...
Движешь камни, движешь сферы *строим лиры золотой...*
Гад *Пифон* у врат *пещеры поражен твоей стрелой...*
Златокудрый, огнеликий, сребролукий бог зари!
Ликодатель, возвестивший каждой твари: «Ты еси!»... [1]
(курсив мой. – В.К.)

Еще один солярный образ в творчестве поэта – солнечная царевна Таиах, явившаяся одной из мистификаций М. Волошина. Существует несколько гипотез происхождения этого имени. Мы склоняемся к версии о зашифрованном в нем слове «хайат», обозначающем «жизнь» на арабском

языке. Потому, возможно, поэт и называет ее царевой Солнца – звезды, благодаря которой существует жизнь на Земле. Необходимо отметить, что в образе Таиах претворяется и образ Вечной Женственности, что легко заметить, например, в стихотворении «Она». Лирический герой видит свою царицу во всех воплощениях женской сущности – «в чертах Микенской Афродиты», «пред ликом восковых мадонн», в облике Моны Лизы, в лице обыкновенных девушек:

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья [1]

Небесная символика занимает большое место в творчестве поэта. Здесь и многочисленные созвездия (Весы, Гиады, Великий Воз, зоркий Волопас, Орион (стихотворение «Гете»)), Млечный Путь («Как Млечный Путь, любовь твоя...»), Луна, и оригинальные авторские метафоры («алмазные руны», «бриллианты звезд», «звездная алмазная пыль», «грозди солнц», «созвездий виноград», «алмазы влажной синевы», «звездные крылья», «звездный сок» и т.д.). Среди небесных образов в поэзии М. Волошина наряду с Солнцем особо выделяется Сатурн – демиург, создающий миры, «працур Лун и Солнц», «творящих числ и воль мерцающий поток», вселенная, где «ткало в дымных снах сознание-паук / Живые ткани тел...». Он создает миры «в седмичном круге дней», но так как творения демиурга несовершенны, они «несутся кольцами и в безднах гибнут бурно» [1].

Как отмечает Э. Менделевич, «символический метод поэтического мышления Волошина естественным образом вел его к мифологии... Для него миф – это интуитивное проникновение в связь явлений» [8, 22]. Таким образом, закономерно, что поэзия М. Волошина насыщена мифологическими образами: нимф (наяды в стихотворении «Грот нимф»; «К этим гулким морским берегам...», где Ел. Дмитриева уподоблена нимфе), Эриний («Облака»), Диониса («Акрополь»), Актеона («Олень-Актеон», «Небо запуталось звездными крыльями...»), Психеи («Когда время останавливается»), Ариадны («Когда время останавливается»), Персефоны («Одиссей в Киммерии»), Деметры («Вещий крик осеннего ветра в поле...»), Сехмета («Сехмет»), Антигоны («Вослед»), Геракла, Стикса, Моря, Ночи («MARE INTERNUM»), Грифона, Пифона («Вейте, вайи...»), Геи, Аполлона, Ореста («Дельфы»), Геракла, Зевса, Андромеды, Персея («Гете»), Эдипа («Кровь»), Орфея («Мы заблудились в этом свете», «Эта светлая аллея...») и т.д.

Особое место в мифопоэтике М. Волошина занимает образ Аполлона, который, как сказано выше, сопряжен с солярной символикой: «гордый Феб», «Отрок-бог! Из солнечного диска», «Гневный Лучник! Вождь мгновений! / Предводитель мойр и муз! / Налагатель откровений, / Разрешитель древних уз!» [1]. В стихотворении «Дельфы» утверждается торжество аполлонического начала над дионисическим:

В стихийный хаос – строй земли
На бездны духа – пышность риз.
И убиенный Дионис –
В гробу пред храмом Аполлона! [1].

Миф об Орфее становится символом одиночества, покинутости и обреченности человечества: Мы заблудились в этом свете.

Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы
«Мы заблудились в этом свете» [1].

Подобно Орфею и Эвридике, над человечеством довлеет сила рока:

И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...
«Мы заблудились в этом свете» [1].

М. Волошин использует образ Одиссея для создания киммерийского мифа в стихотворении-метафоре «Одиссей в Киммерии», где жизнь предстает путешествием «рекою Океаном». Лейтмотив стихотворения – мотив рока, судьбы («Мы бег стремим к неотвратимым странам») и непреодолимости смерти («Наш путь ведет к божницам Персефоны»). Поэт поднимает вечные онтологические проблемы: что есть человеческое бытие? может ли человек повлиять на свою судьбу? есть ли смысл в человеческом бытии, если конец его predetermined:

И черный тисс одели леса склоны...
Туда идем, к закатам темных дней
Во сретенье тоскующих теней [1].

По справедливому замечанию С. Заяц, мифопоэтика М. Волошина «зиждется на трех основных пластах, важных для русской культуры в целом: мистицизм, язычество и христианство» [4,

6]. Закономерно, что эти три пласта весьма тесно переплетены в его творчестве. Примечательным в этом смысле является стихотворение «Гностический гимн Деве Марии», где переплетены мотивы восточной мифологии, христианские и античные. Дева Мария предстает в нескольких ипостасях: Mula-Prasriti – прабрахматическая основа, корень природы Праматери; Сонная Майя, Марево-Мара – энергия, одновременно скрывающая природу мира и обеспечивающая его многообразие; Афродита «из влаги рожденная», Море – Мария; христианская Мария Богородица; старшая плеяда, мать Гермеса («Майя, зачавшая / Вечер – Гермеса»). Сплетение различных религий и философий символизирует вечную веру человечества в женское начало, женский аспект природы.

Мы в безднах погасли,
Мы путь совершили,
Мы в темные ясли
Бога сложили...
Ave Maria! [1]

Обращается М. Волошин в своей поэзии и к образу Иисуса Христа как воплощению Бога, принявшего смерть на земле:

Земная смерть есть радость Бога:
Он сходит в мир, чтоб умереть
«Второе письмо» [1].

Основным символом в изображении Иисуса Христа становятся стигматы («... священные кораллы / На ладонях распростертых рук!»), терновый венец («Ах, как жалят жала алых терний / Бледный лоб...» («Стигматы»)) и крест («...вы огненные гвозди / Вечный дух распявшие на крест» («Смерть»)). Образ Христа становится у М. Волошина символом вечной духовной жизни, которая достигнута путем земной плотской смерти:

Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни – огненная Смерть! [1].

Противопоставлен образу Христа образ падшего ангела, проклятого «всезнанием» и низвергнутого в недра земли:

Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли»
«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...» [1].

В своем творчестве М. Волошин создает особый космологический миф, который реализуется при помощи мифологем мгновения, вечности, остановившегося времени, пути, космического и земного пространства. Так, например, в книге «Годы странствий» он «выстраивает мифологическую историю мирового пути человечества как смены культурных эпох: Восток – Европа (Франция) – Россия (Киммерия)» [3, 21]. Вечность воплощается в застывшем мгновении («Быть заключенным в темнице мгновенья» [1]) и в цикле вечного повторения, смены фаз рождения, жизни и смерти: «Все мы уж умерли где-то давно... / Все мы еще не родились», «Смерть и Рожденье – вся нить бытия» [1] («Когда время останавливается»); «Когда ж уйду я в вечность снова? / И мне раскроется она» [1] («По ночам, когда в тумане...») и т.д. Миф о вечном повторении всего сущего наиболее ярко выражен в стихотворении «Второе письмо»:

И мы, как боги, мы, как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Терять друг друга на пути,
Страдать, искать и вновь найти [1].

Пространство в поэзии М. Волошина делится на два пласта – земное, закрытое пространство («Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо»; «в этот мир замкнутых граней...») и космическое, необъятное («В безднах скрывается новое дно» [1]). Земное пространство сопряжено с образом путника, странника, в котором воплощается экзистенциальное бытие человека и одиночество поэта, который вынужден блуждать «странником вечным / В пути бесконечном»:

В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой [1].

Образ путника тесно связан с мотивом пути, дороги жизни. Отсюда возникает и мотив странничества как мифа о вечном возвращении:

После долгих лет скитанья
Нити темного познания
Привели меня назад [1].

Как отмечает С. Заяц, М. Волошин создает историософскую концепцию пути, «миф становится частью личности и истории в неразрывном их единстве» [4, 11]. При этом путь поэта – личностный творческий процесс, а любое творение воспроизводит космогонический акт.

Таким образом, можем утверждать, что поэтическое творчество М. Волошина мифологично. Поэт трансформирует образы древневосточной, древнегреческой и христианской мифологии; создает собственные мифы: космологический, киммерийский, историософский миф о России; широко использует мифологемы мгновения, вечности, путника, космоса, поэта-странника, лика. Творчество М. Волошина является перспективным источником для дальнейших литературоведческих исследований, в том числе в сфере мифопоэтики.

Список использованных источников

1. Волошин Максимилиан. Полное собрание стихотворений [Электронный ресурс] // Большая онлайн библиотека e-Reading / Максимилиан Волошин. – М. : Litres, 2013. – 307 с. – Режим доступа: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=104355>
2. Гадамер Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.
3. Дашевская О.А. Историософские идеи М. Волошина и Д. Андреева: миф о России / О.А. Дашевская // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – 2005. – № 7. – С. 20–27.
4. Заяц С.М. Мифологические и библейские образы в поэзии Максимилиана Волошина в контексте его духовных исканий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / С.М. Заяц ; Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова. – М., 2009. – 27 с.
5. Заяц С.М. Слово и миф в творчестве М.А. Волошина / С.М. Заяц // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 110–113.
6. Купченко Вл., Давыдов З. Автопортреты Максимилиана Волошина / Вл. Купченко, З. Давыдов // Литературная учеба. – Книга четвертая. – М. : Июль-август 1990. – С.164–169.
7. Менделевич Э.С. «Пойми простой урок моей земли...» (Статьи о Максимилиане Волошине) / Э.С. Менделевич ; [вступ. ст. В.И. Цветкова]. – Орёл : Труд, 2001. – 160 с.
8. Пинаев С. Солнце и Луна в эзотерическом космосе М. Волошина / С. Пинаев // VII и IX Волошинские Чтения: Материалы и исследования. – Симферополь : Крымский Архив, 1997. – С. 84–86.
9. Темная О.В. Око дня...: солярная символика в поэзии М. Волошина / О.В. Темная // Вестник Запорожского национального университета. Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 144–148.
10. Элиаде М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде / Пер. с фр. – М. : «Инвест-ППП», СТ «ППП», 1996. – 240 с.

Summary. The article deals with projection myth, mythological image on artwork. The problem is relatively fresh in literary criticism and needs a new approach. Mythopoetics manifests itself in different layers of creativity. Especially it saturated with mythopoetical images is poetry 'Silver Age' and in particular the lyrics of M. Voloshin. This article aims to extended analysis of mythopoetical images in poetry Voloshin on the book 'Years of Pilgrimage'. Creating his poetic reality, Voloshin transforms ancient Greek mythology, ancient Eastern mythology and Christian mythology, and also creates its own cosmogonic myth. Important place in the system of myth poetical images in Voloshin's poetry occupies an image of the Sun. He is the hero of the poem of the same name, appears in the images of ancient gods, it becomes part of the Christian symbolism embodied in the image of the princess of the Sun – Taiah. The celestial symbols occupy a large place in the work of the poet. There are numerous constellations, the Milky Way, the Moon, the Saturn and the original author's metaphors in the lyrics of Voloshin. The poetry of Voloshin is saturated with mythological images: nymph, Erinyes, Dionysus, Actaeon, Psyche, Ariadne, Persephone, Demeter, Sekhmet, Antigone, Hercules, Styx, Gryphon, Pithon, Gaia, Apollo, Orestes, Zeus, Andromeda, Perseus, Oedipus, Orpheus, etc. Writer refers to the image of Jesus Christ as the incarnation of God by dying on the earth. The image of the Fallen Angel contrasted with it. Voloshin In his poetic creativity creates a special cosmogonic myth which is realized by means mythologemes: the Moment, the Eternity, the Stopped Time, the Path, space and of terrestrial space. The creativity of M. Voloshin is a promising source of for further literary research including in myth poetics.

Key words: *mythopoethic image, myth, mythologeme, solar symbolism, cosmogony.*

Отримано: 19.07.2014 р.